

Василий Иванович Немирович-Данченко

Что такое мюриды?

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Что такое мюриды?**

В Кюринском ханстве, где, по местной пословице, «слаще мёду виноград», есть на склоне зелёной горы чудесный аул Араглар, утонувший в чаще фруктовых садов, весь полный шума и журчания ключей, бегущих по его кованным камнями улицам. Араглар местные поэты воспевают, как волшебный уголок лени и неги, как лучший цветок кавказских гор... Там люди кажутся благополучными и сытыми, и баранина никогда не переводится в котлах у хозяек. В этой счастливой деревне жил некогда Мулла-Магомет такой святой жизни, что по ночам сам пророк не раз достаивал его беседой, а как-то, когда он с высоты минарета призывал народ к утреннему намазу, ангелы подхватили его, взвились с ним в недостижимую лазурную бездну неба, показали ему оттуда сквозь окошко райские сады и затем поставили его опять на тот же минарет. У этого необыкновенного «учителя» жил на воспитании бухарец Хас-Магомет, отличавшийся ещё в детстве созерцательным благочестием, которое так высоко ценят мусульмане. Его отроком видели оцепеневшего, с устремлённым в небеса взором и с выраже-

нием самого пламенного восторга в лице. «Что тебе почудилось?» — спрашивали его благочестивые люди, но он, точно проснувшись, молча уходил к себе, и если уже очень приставали к нему, говорил: «Всё равно ведь вы меня не поймёте, на языке человеческом нет таких слов, чтобы рассказать вам это!..» Кончив учение у муллы, юный Хас-Магомет не удовлетворился им и отправился в Бухару, которая тогда играла в мусульманском мире роль самого священного города после Мекки, и, несомненно, ученейшего от Магриба до Дели. Возвратясь оттуда назад в Араглар, — Хас-Магомет показался счастливым обитателям этой деревушки совсем просветлевшим. От его лица струился невыносимый простым очам свет, и его «речи благоухали, как миро». Он принёс с собою в горы новое учение мюридизма и прежде всего обратил к нему своего воспитателя — муллу. Он хотел даже основать в горах монашеский орден наподобие существующих в Бухаре и Персии, но тут слишком хорошо знали и усвоили себе знаменитое изречение Магомета: «ля-рагбаниати-фи-ль-ислам» [1]. Тем не менее проповеди

Хас-Магомета и его воспитателя, сделавшегося его учеником, потрясли весь мусульманский мир Кавказа. Мюридами явились уже не созерцатели и богомольцы, а истинные фанатики Чечни и Дагестана. Сохраняя название мюридизма, они стали проповедовать, что для чистоты и утверждения религии нужен газават [2], что только одна кровь неверных угодна Богу, и можно быть величайшим грешником, но достаточно участвовать в газавате, чтобы попасть в чудные сады рая, в обители Аллаха. Мюриды должны были обвинять голову чалмою-амамед и носить серебряное кольцо на мизинце правой руки. По этому кольцу их узнавали. Однажды в Миссире (Египте) Магомет молился в страшный зной среди поля. Вдруг он услышал шипение... К нему подползла змея, преследуемая кошкой, и стала умолять пророка спасти её от гибели. Тот спрятал её за пазуху. Но змея и тут боялась своего врага и просила пророка спрятать её в своих внутренностях. Магомет открыл рот, змея исчезла туда. Кошка печально удалилась в кусты. Пророк предложил змее уйти, но та за гостеприимство отплатила ему чёр-

ной изменой. «Я уйду, если ты мне дашь съесть часть твоего тела!» Магомет предложил ей мизинец правой руки. Змея наполовину выползла и впилась в него, но в это мгновение кошка выскочила из засады, вытащила змею и убила её. Пророк погладил кошку рукой — отчего та получила дар никогда не падать спиною, а всегда на ноги. Израненный палец свой Магомет украсил колечком и приказал делать это всем особенно желающим приблизиться к нему.

Аргаларский Мулла-Магомет живо понял силу мюридизма, если ему удастся привлечь к нему влиятельных людей Дагестана. Он созвал в цветущий Арагдар всех куринских кадиев и мулл на совещание. Оттуда, в сопровождении учеников, они все отправились в ширванское местечко Курдомир, где жил знаменитый учёный Хаджи-Измаил, у которого добродетелей было больше, чем волос в бороде. Про него рассказывали, что ему стоило поднять руку к небу, чтобы остановить грозу или поманить её, чтобы она разразилась над Ширваном. Хаджи-Измаил тоже сообразил значение нового движения между горцами.

Он видел, что мусульманство колеблется и слабеет, кланы, некогда исповедовавшие христианство, не забыли его и по ночам ходили молиться в руины церквей, охваченные цепкой порослью; клялись именами девы-Мириам и св. Георгия. Ислам замирал, установления шариата забывались, всюду на их место выступал народный обычай — адат. Восстановить веру можно было, только раздув фанатизм до газавата, и на этот-то подвиг эфенди Хаджи-Измаил благословил муллу Магомета и провозгласил его муршидом — учителем. Предание говорит, что в эту минуту над эфенди явился Азраил и вручил ему «меч смерти», который тот и передал новому ставленнику... Араглар стал тотчас же центром возрождённого и преобразованного тариката. Со всех сторон потянулись сюда толпы мусульман, колебавшийся ислам начал крепнуть, тем более, что Хаджи-Измаил передал Магомету тайну некоторых чудес для совершения их перед легковерными горцами. Русские, не подозревая цели этого движения, ему не мешали, и мулла Магомет спокойно до конца жизни проповедовал видоизменённый тарикат,

спланировав горные кланы в большие общества, общества в союзы, посылал учеников и к племенам Адыге, и в Чечню, и даже в Абхазию... Он весь Арагдар наполнил молодыми муллами, фанатизируя их, и умер, оставив по себе не только последователей, но и множество муршидов, готовых на смерть ради торжества мюридизма на Кавказе. Тогда же было объявлено вечное «канлы» русским. До тех пор наши имели в горных округах немало кунаков и друзей, — после уже нельзя было водить и простого знакомства. Отсюда до джигата было не далеко... Мулла-Магомет и его последователи весь Дагестан с Чечнёй и Кавказом обратили в громадный пороховой погреб. Достаточно было искры, чтобы взорвать его сразу. Прежде горные кланы смотрели на войну, как на рыцарскую забаву, молодчество, воспитательную школу для юношей или как на способы добывать себе наши стада и грабить русских, — теперь она звалась газаватом — святым, ведущим прямо в рай подвигом. Была забыта вражда между отдельными аулами, прекратились споры соседних племён.

Мюридизм мог сделаться тем, чем он стал потом — только с таким имамом, как Шамиль. Воин и государственный человек в одно и то же время — он сумел подчинить себе все кланы Дагестана, слить их в одно целое и стройное, создать между ними строгие законы и заставил служить себе слепо, не рассуждая. Свободолюбивые сыны утёсов следовали за Шамилем всюду, куда он только водил их. В разрозненных горцах возникло сознание, что, только соединившись, они могут отстаивать независимость, — и они уже не оставляли имама даже в тяжёлые минуты, когда он терпел неудачи. Не жестокий сам Шамиль заставлял их быть зверями, чтобы сделать невозможным их примирение с русскими. Он так могуче раздул пламя ненависти к нам, что оно одним сплошным пожаром охватило и Дагестан, и Чечню, и все горские черкесские племена, и абхазцев. Даже давно поселившиеся внизу, в долине, джарцы, хоть тем было отлично под нашим владычеством, бросали свои дома, сады и поля и уходили к новому имаму. Хунзах был похоронен нами. Новый Хоцатль взят русскими штурмом, — но

взамен Шамиль приобретал сотни новых аулов. Мы в 1837 г. заняли всю Аравию, — но Шамиль прислал нам сказать, что если ему останется хоть одно ласточкино гнездо, то и из него он сумеет быть страшным урусам. Загнанный, как зверь, в Ахульго — Шамиль в этом огромном становище, повисшем над безднами, сумел создать крепость, которую могли взять только наши кавказские войска. Как это случилось, — сам Шамиль не понимал, а народ его считал нас за воплощённых шайтанов. В 1836 г. Ахульго дымился пожарищем после титанического штурма. Шамиль кинулся в Большую и Малую Чечню. Там к нему присоединились ичкеринцы, ауховцы и карабулахцы, и когда мы считали Шамиля погибшим, он во главе 30.000 мюридов явился на наших границах.

Вот что такое был мюридизм и мюриды!

Брызгалов, как и весь гарнизон, понимал, что ему надо или победить, или умереть. Побеждённым пощады не будет!.. Да к поражениям войска того времени и не привыкли. Они могли отступить, но не сдаваться, — для крепости же отступления не было — значит

оставалась смерть!

До рассвета он ворочался в постели, одетый и готовый каждую минуту идти на стену.

За несколько минут до зари, к нему привели Амеда.

Юноша был утомлён и измучен. Он загнал коня и назад пришёл пешком.

— Ты ранен? — крикнул ему Брызгалов.

— О, это ничего! — с презрением взглянул он на левую руку, на которой запеклась кровь. — Так, шрам... Тот, кто нанёс его, уже никому о нём не расскажет... Я его уложил в овраге недалеко от вашей позиции.

— Ну, это, разумеется, мюриды, да?

— Да! И их ведёт, как я и думал, один из набов Шамиля — князь Хатхуа.

— Сколько у него людей?

— Самое малое двенадцать тысяч человек будет через несколько дней.

— Почему будет?

— Потому что он послал во все горные общества «землю и воду» [3].

— Какая у него цель?

— Я подслушал. Они думают взять Самурское укрепление и потом обрушиться на Дер-

бент.

— Подавятся и здесь!

— Они хорошо вооружены и отлично снабжены провиантом... Князь Хатхуа ждёт, что сам Шамиль приедет сюда.

Брызгалов задумался.

— Амед! Могу я на тебя рассчитывать?..

— Приказывайте! Я умру, стараясь исполнить, что вам надо.

— Одно... Оказия не дошла до Дербента... Надо дать знать туда, что мы окружены.

— Завтра в полдень я выеду.

— Почему в полдень?

— При полуденном свете меня будет трудно отличить... Не пишите писем, скажите мне всё... Я не забуду ни слова.

— А теперь иди, отдохни!

Ровно в шесть часов дня, когда солнце встало, оно застало Амеда на ногах.

Он и не отдышал. Под окном у Нины он ждал её пробуждения... Когда девушка подошла к окну и растворила его, к ней в комнату упала свежая роза. Нина выглянула.

— Это вы, Амед?

— Я... пришёл проститься с вами.

— Куда вы едете?

— Меня майор посылает в Дербент.

— Я боюсь за вас!

Юноша улыбнулся.

— Я пришёл проститься, — ещё раз повторил он. — Может быть, я буду убит. Прошу у вас милости...

— Какой?

— Дайте мне что-нибудь. Ленту.

С чисто женским инстинктом Нина взяла ножницы, отрезала прядку волос и подала их в окно. Амед с разгоревшимися счастливыми глазами тотчас же спрятал её у себя на груди. Через мгновение его уже не было...

Примечания

Нет монашества в исламе.

[^^^]

Священная война

[^^^]

3

Т. е. угрозу отнять и то, и другое, если ему не будет оказана помощь.

[^^^]